

ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ ГЕРЦОГСКИЙ ДОМ

Лейхтенбергский герцогский дом, представители которого оставили заметный след в истории России XIX – начала XX веков, ведёт своё происхождение из Франции.

Начало этой фамилии положил Евгений (Эжен) де Богарне (Beauharnais) или, как его обыкновенно называли, принц Евгений. Его отец, виконт («из учтивости») Александр-Франсуа-Мари де Богарне (1760-94), потомок аристократического рода, известного с XIV столетия, являлся генералом французской армии и в период революции некоторое время занимал пост председателя Учредительного собрания, но затем был гильотинирован якобинцами¹. Вдова генерала, Жозефина (1763-1814), урождённая Таше де ла Пажери (Tascher de la Pagerie), прославилась благодаря своему второму браку с Наполеоном Бонапартом.

Евгений (1781-1824), её единственный сын, получил титулы принца Империи, вице-короля Италии, великого герцога Франкфуртского, и отличился, командуя войсками под началом приёмного отца, в том числе во время похода на Россию 1812 года. По воле последнего он 14 января 1806 года в Мюнхене вступил в брак с принцессой Амалией-Августой (1788-1851), дочерью короля Баварии Максимилиана I, породнившись, таким образом, с одним из древнейших царствующих домов Европы – династией Виттельсбахов (Wittelsbacher). Дальновидная матримониальная политика Наполеона позволила Евгению относительно благополучно пережить падение императора. Он обосновался во владениях тестя, который декретом от 14 ноября 1817 года предоставил бывшему принцу (в обмен на сумму в 5 миллионов франков, выданных по решению Венского конгресса¹) княжество Эйхштедт (Eichstadt) в качестве медиатизированного (т.е. лишённого самостоятельных внешнеполитических прав, но имеющего внутреннее самоуправление) владения, а также титул герцога Лейхтенбергского. Одновременно новоиспечённый герцог получил ранг королевского высочества, передававшийся по праву первородства; остальным родственникам предоставлялось достоинство светлости³.

Нужно отметить, что фамилия Лейхтенберг (Leuchtenberg) происходит от названия старинного замка в Баварском Пфальце. Древняя линия ландграфов Лейхтенбергских, его хозяев, угасла в 1674 году, после чего их владения переходили из рук в руки, пока в 1714 году окончательно не отошли к курфюрстам (позже королям) Баварии. Те же, в свою очередь, даровали Евгению Богарне этот титул, по всей видимости, именно потому, что «род Лейхтенбергов, «горных светочей», уже давно угасших, остался в памяти народной, как один из самых славных и доблестных»⁴.

Казалось бы, что стоит детям вице-короля затеряться среди бесчисленных германских князьков? Но близкое родство с баварскими королями

и, возможно, магия имени Наполеона сделали своё дело. Так, принцесса Жозефина (1807-76) стала королевой Швеции и Норвегии, выйдя замуж за Оскара I; её сестра Амалия (1812-73) была женой императора Бразилии Педру I. Блестящее будущее, видимо, ждало старшего сына Евгения, Карла-Августа (1810-35), второго герцога Лейхтенбергского: он был одним из кандидатов на бельгийский престол во время революции 1830 года, затем по желанию умирающего дона Педру, своего зятя, женился на его дочери от первого брака, юной португальской королеве Марии II да Глория, но спустя два месяца внезапно умер от крупозной ангины⁵.

Его права унаследовал младший брат – Максимилиан-Иосиф-Евгений-Август-Наполеон (1817-52). Будучи полковником баварской кавалерии, он по поручению своего дяди, короля Людвига I, впервые приехал в Россию на манёвры в 1837 году. Здесь молодой герцог, являвшийся, по общему признанию, одним из красивейших людей своего времени, пленил воображение пылкой великой княжны Марии Николаевны (1819-76). Николай I одобрил выбор своей любимой дочери; его мнение о потенциальном зяте можно прочитать в записках М.А. Корфа: «Ко мне третьего дня пришёл один молодой человек, которому я показывал город и указал на эту несообразность (асимметрию «Медного всадника» по отношению к Исаакиевскому собору – Д.Б.). «Я надеюсь, – сказал мне этот юноша, – что никто никогда не вздумает передвинуть Петра Первого». Я тотчас понял, что он достоин войти в мою семью»⁶.

Свадьба состоялась 2/14 июля 1839 года в Санкт-Петербурге. В тот же день Максимилиан был возведён в достоинство императорского высочества, чуть ранее получив чин генерал-майора русской службы. Затем он последовательно командовал 2-й бригадой гвардейской кирасирской дивизии, 1-й бригадой 1-й лёгкой гвардейской кавалерийской дивизии, 1-й лёгкой гвардейской кавалерийской дивизией, был главноуправляющим Институтом корпуса горных инженеров, членом совета и учёного комитета этого корпуса, а также совета о военно-учебных заведениях, комиссии о постройке Исаакиевского собора, комитета Николаевской железной дороги и попечительного совета заведений общественного призрения в Санкт-Петербурге, носил звания генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта⁷.

В 1845 году герцог продал римскому престолу свои аллодиальные (безусловно отчуждаемые) владения в Наварре и Папской области и одновременно купил имения в Тамбовской губернии (село Ивановка с конным заводом). Таким образом, род Лейхтенбергских окончательно утвердился в России⁸.

Князь П.В. Долгоруков по этому поводу отметил: «Он имел неосторожность по свадебному договору подчинить себя власти Николая Павловича; эта мгновенная ошибка дорого обошлась герцогу Лейхтенбергскому: он лишился всякой свободы, всякой самостоятельности и не мог выезжать из России иначе, как с дозволения Николая Павловича, даже для свидания со своей матерью»⁹.

Помимо служебных обязанностей Максимилиан занимался благотворительностью, увлекался гальванопластикой, минералогией. Он носил звания почётного члена Академии наук и Академии Художеств; с 1843 года (после смерти А.Н. Оленина) являлся президентом последней¹⁰.

Несмотря на свои блестящие внешние данные, третий герцог Лейхтенбергский был, судя по всему, довольно бесцветной личностью. А.Ф. Тютчева характеризует его как «красивого малого, кутилу и игрока, который, чтобы пользоваться большей свободой в собственном разврате, постарался деморализовать свою молодую жену»¹¹. Этим, по-видимому, можно объяснить то, что увлекающаяся красавица Мария Николаевна очень скоро охладела к супругу. Их не вполне устроенная семейная жизнь вызывала массу пересудов как тогда, так и значительно позднее.

После кончины Максимилиана его дети – Мария (1841-1914), Николай (1843-90), Евгения (1845-1925), Евгений (1847-1901), Сергей (1849-77) и Георгий (1852-1912) – указом Николая I от 6/18 декабря 1852 года были включены в состав Российской императорской фамилии, получив титул императорских высочеств и все права князей императорской крови с фамилией Романовских¹². Это положение дел нашло отражение в примечании к статье 146-й Учреждения об императорской фамилии. После выхода в свет закона 1886 года об изменении порядка титулования высочайших особ достоинство императорского высочества было оставлено за князем Александром Георгиевичем Романовским герцогом Лейхтенбергским лично, так как он родился до издания этого закона¹³.

Прежде, чем речь пойдёт о втором поколении Лейхтенбергских в России, несколько слов необходимо сказать о дальнейшей судьбе великой княгини Марии Николаевны. Ещё при жизни первого мужа она встретила любовь всей своей жизни в лице графа Григория Александровича Строганова (1824-79). «Несмотря на всю лёгкость нравов, в которой её обвиняет общественное мнение, её, по-видимому, очень тяготила фальшивость положения, и после смерти герцога она захотела освятить свои отношения браком...»¹⁴. Летом 1854 года втайне от Николая I состоялось скромное венчание; император до самой своей смерти так и не узнал о мезальянсе любимой дочери. Цесаревич же был извещён об этих событиях и первоначально изъявил согласие, но по восшествии Александра II на престол официального признания морганатического брака не последовало.

Вот что писал осведомлённый современник: «Великая княгиня Мария Николаевна женщина умная: лета охладили её пылкий характер, она всегда отличалась добрейшей душой. Пользуясь особенным расположением своего грозного отца, который любил её более всех своих детей, находясь в самых дружеских отношениях и с государем, и с императрицей Марией Александровной, она многим оказала и продолжает оказывать услуги, делать добро, а зла никогда и никому в своей жизни не причинила. Муж её, граф Григорий Александрович Строганов, умный, честный и вполне благородный человек. Положение его весьма затруднительно, и он держится в нём с большим тактом...»¹⁵.

Г.А. Строганов в царствование Александра II был шталмейстером и в 1862-66 годах президентом придворной конюшенной конторы, а затем обер-шенком высочайшего двора. «Он мог бы быть весьма полезным государственным деятелем, но ото всего отказывался. Его богатая натура требовала широкой, кипучей деятельности, а ему всю жизнь предоставлялась одна придворная служба, которая не могла его удовлетворить, которую он знал насквозь, со всеми её тёмными и неприглядными сторонами. Сам же он неизменно оставался вне всяких дрязг и интриг»¹⁶.

Граф ненамного пережил супругу. Их единственная дочь (сын – граф Григорий Григорьевич – умер от детской болезни в 1859 году¹⁷), графиня Елена Григорьевна Строганова (1861-1908), примечательная фигура петербургского beau monde рубежа веков, входила в ближайшее окружение как Александра III, так и Николая II. Наблюдатели указывают на её влияние при принятии некоторых решений, в частности, во время назначения князя П.Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел в 1904 году¹⁸. Графиня была замужем дважды: 1) за командиром Императорского конвоя генерал-майором свиты Владимиром Алексеевичем Шереметевым (1847-93); 2) за офицером того же конвоя (позднее генерал-майором) Григорием Никитичем Милашевичем (ум. 1918); потомство осталось от первого брака¹⁹.

Что же касается детей герцога Максимилиана, то старшая из дочерей, княжна Мария («Маруся»), вышла в 1863 году замуж за принца Вильгельма Баденского (1829-97). «В ней много было породы и сильно развито русское чувство»²⁰. Её сестра, Евгения Максимилиановна, осталась в России, став женой принца Александра Петровича Ольденбургского, представителя ветви, статус которой при царском дворе был схож с положением Лейхтенбергских²¹.

Принцесса Е.М. Ольденбургская активно содействовала мужу в его филантропических предприятиях, будучи покровительницей попечительного комитета о сёстрах Красного Креста и общины св. Евгении, попечительницей Максимилиановской лечебницы, председательницей комитета Свято-Троицкой общины сестёр милосердия и Императорского общества поощрения художеств; после смерти своего брата Н.М. Лейхтенбергского она заняла пост президента Императорского минералогического общества²². По свидетельству С.Д. Шереметева, «она женщина благоразумная и хорошая хозяйка, внимательная, заботливая мать», но в то же время «в душе «чиновница», пропитанная петербургским бюрократическим духом»²³. Схожее мнение читаем у Д.А. Милютина: «...принцесса Евгения Максимилиановна – женщина чрезвычайно милая и симпатичная»²⁴.

Все четверо братьев по романовской традиции стали военными. Об их ранних годах известно следующее: «Принцы Лейхтенбергские воспитаны хорошо, воспитаны как принцы европейские, а не как русские великие князья, то есть из них старались сделать людей, а не миропомазанных фельдфебелей. Одного только стоит бояться, чтобы они в Петербурге не испортились...»²⁵. В дальнейшем, однако, принцы настолько «испортились», что Николай Максимилианович дослужился до чина генерала от

кавалерии и звания генерал-адъютанта, Евгений – генерала от инфантерии и генерал-адъютанта, Георгий – генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта, а Сергей – генерал-майора свиты.

Важной вехой в биографии братьев стала русско-турецкая война 1877-78 годов. Герцог Николай, к тому моменту уже много лет постоянно живший за границей, вернулся на действительную службу, приняв командование гусарской бригадой в знаменитом Передовом отряде И.В. Гурко, и заработал в боях орден св. Георгия 4-й степени, золотое оружие и чин генерал-лейтенанта. Евгений Максимилианович, командовавший под началом Гурко сводно-драгунской бригадой, а затем 2-й бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, получил контузию левой руки и был за боевые отличия произведён в генерал-майоры с назначением в свиту Е.И.В., кроме того, награждён орденом св. Владимира 3-й степени с мечами. Наконец, Сергей Максимилианович, также заслуживший генеральские эполеты в бою, погиб от пулевого ранения в голову, полученного во время рекогносцировки под Руцукон 12/24 октября 1877 года, став первым членом дома Романовых павшим на поле брани²⁶.

Николай Максимилианович, судя по всему, наиболее одарённый из братьев, получил тщательное образование и воспитание под руководством незаурядного педагога – генерал-адъютанта К.Г. Ребиндера. Он «был статен, довольно красив, несколько таинствен, потому что не договаривал, [...] рано показался в свете, поглощал сердца и произвёл сенсацию... [...] Николай Макс. не лишён был некоторого стремления рисоваться»²⁷.

Н.М. унаследовал от отца увлечение горным делом. В 1865 году он был назначен президентом Минералогического общества, членом Горного совета при министерстве финансов (с 1873 года при министерстве государственных имуществ) и Учёного комитета Корпуса горных инженеров (с 1867 года Горный учёный комитет). Один из уральских минералов, в открытии которого князь принимал участие, получил в его честь название «лейхтенбергит». Позже он также возглавил Русское техническое общество и являлся почётным членом Академии наук и [Киевского] университета св. Владимира²⁸.

В 1862 году, после свержения Оттона I Николай Лейхтенбергский чуть было не стал греческим королём: Наполеон III охотно поддержал кандидатуру своего двоюродного племянника, но Англия настояла на выборе Георга Глюксбургского²⁹. В 1866 году князь вместе со старшей сестрой Марией Баденской находился рядом с Александром II, когда в того выстрелил Д.В. Каракозов. «Гулял с Марусей и Колей пешком в Летнем саду...» – так начинается запись об этом событии в дневнике царя³⁰.

Поворотным моментом в судьбе Николая Максимилиановича стало знакомство с Надеждой Сергеевной Акинфьевой, урождённой Анненковой (1840-91), женщиной, жившей в разъезде со своим мужем – внучатым племянником князя А.М. Горчакова, Покровским уездным (Владимирской губернии) предводителем дворянства, камер-юнкером (впоследствии тайным советником) В.Н. Акинфьевым (Акинфовым) – и пользовавшейся в

свете сомнительной репутацией. Эта редкая красавица, которой пленился престарелый канцлер (в его доме она жила в качестве «племянницы») и посвящал стихи Ф.И. Тютчев, покорила сердце Лейхтенбергского. Их фактическое бегство из Петербурга в 1868 году³¹ привело к тому, что вторую половину жизни князь был вынужден практически безвыездно провести за границей³². Там же появились на свет двое сыновей: Николай (1868-1928) и Георгий (1872-1929), о которых подробнее будет сказано ниже. Тихое, спокойное существование 4-го герцога так резко контрастировало с постоянными дразгами его непутёвых братьев, что даже строгий Александр III «относился (к Николаю Максимилиановичу – Д.Б.) благосклонно именно потому, что хотя он был женат мorganатическим браком, но в семейном отношении держал себя безукоризненно»³³. Супруга герцога 30 января/11 февраля 1879 года была пожалована потомственным титулом графини Богарне³⁴.

В начале 1890-х годов в семействе Лейхтенбергских разразился скандал. Дело в том, что князь (герцог) отказал фамильный майорат своим сыновьям. Немедленно после его кончины, последовавшей в Париже, это завещание было оспорено братьями покойного, активно поддержанными рядом членов императорского дома, прежде всего великим князем Алексеем Александровичем. Но особая комиссия из нескольких высших сановников, с мнением которой согласился Александр III, нашла акт наследства соответствующим духу и букве гражданских законов. Тогда же император удостоил графов Николая и Георгия Николаевичей Богарне титула герцогов Лейхтенбергских в ранге светлости и с полным отделением от династии Романовых³⁵.

Следующим главой дома Лейхтенбергских стал князь Евгений Максимилианович, 5-й герцог. Это была весьма колоритная фигура. Ещё совсем юным офицером он бежал с актрисой-француженкой Летессье в Париж, где в довершение всего украсил кровать подруги Андреевской (вариант: Александровской) лентой³⁶. За этот проступок герцог был разжалован и лишён орденов³⁷, но затем прощён и в качестве искупления отправлен воевать: за Хивинский поход 1873 года получил орден св. Георгия 4-й степени и в том же году золотую саблю с надписью «За храбрость»; об участии герцога в войне 1877-78 годов уже сказано выше. Тогда же проявились и тёмные стороны его характера. «В этих трудных обстоятельствах герцог Евгений Максимилианович, со свойственной ему игривой шутовщостью, позволил себе выразиться о генерале Гурко в легкомысленном тоне. Герцог был незлой человек, не интриган, но он имел полное право говорить: «Язык мой – враг мой», – и не всегда вовремя умел удерживать язык», – вспоминал его сослуживец по балканской кампании Н.А. Епанчин³⁸.

Особые нарекания вызывала семейная жизнь князя Евгения. Вскоре после истории с Летессье он обвенчался во Флоренции с Дарьей Константиновной Опочининой (1844-70), правнучкой М.И. Кутузова, для которой Александр II избрал титул графини Богарне³⁹. Но 7/19 марта 1870 года графиня скончалась при родах, оставив дочь, названную в честь матери.

Вдовец недолго горевал. Его второй избранницей стала кузина предыдущей Зинаида Дмитриевна Скобелева (1856-99), сестра знаменитого «белого генерала», про которую говорили, что «таких красавиц следовало бы запретить». Пожалованная в день свадьбы (2/14 июня 1878 года) тем же титулом графини Богарне, она затем удостоилась более высокой почести – ранга герцогини Лейхтенбергской (16/28 августа 1889 года)⁴⁰. Это чуть было не вызвало дипломатический скандал: баварский посланник заявил протест, но Александр III не обратил на него никакого внимания⁴¹.

«С другой стороны, государь не особенно благоволил [...] к Евгению, за то, что он был легкомыслен, и жена его вела себя также не особенно достойно: она большей частью всюду показывалась с великим князем Алексеем Александровичем, а не со своим мужем», – замечает С.Ю. Витте⁴². На самом деле, чаще они разъезжали втроем, шокируя публику на европейских курортах, где их прозвали «le menage Royale a trois». Большой знаток придворных традиций и тайн, А.А. Мосолов вспоминал: «Зинаида Дмитриевна, или, как её обыкновенно звали, Зина Богарне, была удивительно привлекательна, красива и жизнерадостна. В её честь и для её удовольствия великий князь Алексей и открывал двери своего дворца петербургскому бомонду. Графиня не долго блистала, как царица нашего «большого света». Она скончалась совсем ещё молодой, после короткой болезни»⁴³. Чуть более взыскателен строгий граф С.Д. Шереметев: «С наружностью и приёмами французской горизонталки «Зинок» соединяла чары своего прекрасного и обработанного голоса»⁴⁴.

Через великого князя, бывшего фактически игрушкой в её руках, Зинаида оказывала некоторое влияние на государственные дела. Так, осведомлённая А.В. Богданович упоминает, что Н.М. Чихачёв «заплатил миллион Богарне, чтобы его назначили управляющим министерством»⁴⁵.

Что же касается самого Е.М., то он «после кончины «Доротей» бросился во все тяжкие. [...] Это был многолетний беспробудный разгул...»⁴⁶. Вторая жена своим поведением только способствовала деградации герцога. Таким оказался печальный конец человека, который некогда подавал «ранние надежды на государственный разум»⁴⁷.

Следующий брат – Сергей Максимилианович – был, вероятно, самым многообещающим из них. «Истинно артистическая натура выделяла его резко из обычной колеи. [...] В нём была большая наблюдательность, острый и широкий взгляд»⁴⁸. К сожалению, турецкая пуля не дала сбыться мечтам, оборвав на взлёте молодую жизнь.

Вследствие морганатических браков его старших братьев продолжателем княжеской линии оказался 6-й герцог – Георгий (Юрий) Максимилианович, несмотря на то, что его, не без основания, считали сыном Г.А. Строганова. Факт его рождения явился сам по себе курьёзом, так что известный острослов, светлейший князь А.С. Меншиков, даже заметил, что Максимилиан Лейхтенбергский «в деле не был, но Георгия получил»⁴⁹.

Вследствие семейных неурядиц и из-за слабого здоровья младшего сына его физическим развитием и образованием в значительной степени

пренебрегли. Это привело к тому, что Г.М. «нигде никогда не служил и ни к какому делу не пригоден; но его снедало честолюбие, и он страдал, чувствуя своё полное бессилие»⁵⁰. По-видимому, среди этого поколения Лейхтенбергских он был самой незначительной фигурой. «Впрочем,— читаем мы у С.Ю. Витте,— должен сказать, что Юрий Максимилианович был, в сущности, безобидный человек и совсем недурной, это тип великих князей последних формаций»⁵¹.

Князь Георгий женился дважды: первый раз на принцессе Терезии (-Фредерике-Ольге) Петровне Ольденбургской (1852-83), представительнице ещё одной из боковых ветвей династии Романовых; от неё остался сын Александр (1881-1942), последний из Лейхтенбергских носивший звание императорского высочества. Вскоре после смерти первой жены, за Георгия выдали воспитанницу Смольного института, черногорскую княжну Анастасию (Стану) Николаевну (1868-1935). Эта женщина стала одной из тех, кто сыграл неблагоприятную роль в роковых событиях начала века. Именно Стана со своей старшей сестрой Милицей (их прозвали Сциллой и Харибдой) ввели к царской чете шарлатанов-«спиритов» Филиппа, Папюсса и иже с ними, наконец, самого зловещего Распутина. «Ох, уж эти... черногорки, натворили они бед России... Чтобы рассказать, какие пакости они натворили, нужно написать целую историю; не добром помянут русские люди их память...» — сетовал бывший премьер⁵². Супружество Станы и герцога было совершенно неблагопристойным. «Последний, женившись на черногорке, [...] продолжал свою связь с куртизанкой за границей, где большей частью и проживал»⁵³. Его благоверная, в свою очередь, сошлась с великим князем Николаем Николаевичем-младшим, за которого и вышла замуж после расторжения в 1906 году первого брака. Тем не менее, от Георгия у неё остались дети Сергей (1890-1974) и Елена (1892-1971), которые были уже просто «Их высочества»⁵⁴.

Переходя к рассказу о следующем поколении Лейхтенбергских, нужно оговориться, что формально, согласно династическим правилам, к герцогскому дому принадлежали теперь лишь трое детей Георгия, в то время как сыновья Николая и дочь Евгения Максимилиановичей образовали новые аристократические фамилии. Но только линия, которой положили начало герцоги Николай (1868-1928) и Георгий (1872-1929) Николаевичи Лейхтенбергские (графы Богарне), продолжается и в наши дни.

Братья продолжили военные традиции предков: старший стал полковником лейб-гвардии Преображенского полка, второй — полковником лейб-гвардии Конного. Николай Николаевич вошёл в историю, будучи дежурным флигель-адъютантом в день отречения Николая II⁵⁵. Однополчанин герцога генерал Епанчин так охарактеризовал его: «человек добрый, но ограниченный»⁵⁶. Георгий Николаевич получил определённую известность как военный писатель: его перу принадлежит, в частности, трёхтомная «История л.-гв. Конного полка». Он состоял председателем Императорского общества ревнителей истории и Комитета по сооружению в Петрограде памятника Александру Невскому.

Если их отец и дядя отличились в русско-турецкую войну, то младшие Лейхтенбергские очень хорошо зарекомендовали себя в Первую Мировую. Николай Николаевич, командуя 1-м батальоном Преображенского, а затем (июнь 1915 – октябрь 1916 гг.) 12-м Туркестанским стрелковым полком, был ранен и награждён последовательно орденами св. Анны 2-й степени с мечами, св. Владимира 4-й с мечами и бантом, св. Владимира 3-й с мечами, св. Георгия 4-й и Георгиевским оружием. Брат его, будучи с 1905 года в отставке, вернулся в армию с началом боевых действий и в дальнейшем состоял для особых поручений при главнокомандующем Юго-Западным фронтом генерал-адъютанте А.А. Брусилове⁵⁷.

Оба они выбрали супруг из знатнейших дворянских родов: Николай женился на графине Марии Николаевне Граббе (её брат был последним начальником Императорского конвоя), Георгий – на княжне Ольге Николаевне Репниной, дочери обер-гофмейстера и члена Государственного совета. После 1917 года герцоги со своими семьями эмигрировали и жили до поры до времени относительно безбедно, используя родство с Баварским домом⁵⁸.

Куда более трагичной была судьба графини Дарьи Евгеньевны Богарне (1870-1937). Выросшая без матери, девушка очень быстро стала, подобно своей мачехе Зинаиде, «львицей петербургского света». «Долли, как её обычно звали, пользовалась немалым успехом в обществе», – подмечал наблюдательный А.А. Мосолов⁵⁹. В 1893 году её торжественно выдали за князя Льва Михайловича Кочубея (1862-1927); после почти 20-летней совместной жизни Долли развелась с ним и вышла замуж за капитана 1-го ранга барона Владимира Евгеньевича фон Гревениц (1872-1916). После революции она, по одним сведениям, эмигрировала, но в 1930 году вернулась на родину, по другим же, вовсе не уезжала, а жила в Ленинграде под именем Доры Евгеньевны Лейхтенберг, работая помощником заведующего Библиотекой всемирной литературы (Моховая, 36), каковым являлся её последний супруг, уроженец Австро-Венгрии Виктор Александрович Маркететти (1874-1938), а затем заведующей иностранным отделом спецхранения Государственной Публичной библиотеки⁶⁰. Подлинное происхождение скромной пожилой библиотекарши с, казалось бы, «этнической» фамилией, конечно же, не было секретом для «компетентных» органов. 4 ноября 1937 года по обвинению в принадлежности к «монархической террористической организации и за связь со шпионско-террористической группой германских политических эмигрантов, созданной Гестапо» престарелая графиня была расстреляна. Оставшийся во Франции сын Долли от первого брака – Евгений Львович (1894-1951) – употреблял затем титул князя Кочубей-Богарне⁶¹.

Наконец, последними, кто носил титул князей Романовских (в роду Лейхтенбергских) оказались дети от двух супружеств Георгия Максимилиановича. Александр Георгиевич (Сандро) дослужился до чина полковника в лейб-гвардии Гусарском полку, был также флигель-адъютантом Николая II, в 1916-17 годах командовал 4-м Донским казачьим графа Платова полком. Воспользовавшись падением монархии, Сандро вместе с князем

императорской крови Гавриилом Константиновичем устроили в один день свои свадьбы: 9/22 апреля 1917 года 7-й герцог обвенчался с артисткой балета Надеждой Николаевной Игнатъевой, урождённой Каралли (1883-1964)⁶². Молодожёны вскоре навсегда уехали за границу, детей у них так и не было. Единокровная сестра Сандро, княжна Елена Георгиевна, также в 1917 году в Ялте вышла замуж за польского графа Стефана Тышкевича (1896-1976); их дочь осталась незамужней. Никогда не вступал в брак и последний герцог Лейхтенбергский – князь Сергей Георгиевич Романовский, старший лейтенант Гвардейского флотского экипажа, кавалер орденов св. Андрея Первозванного, св. Анны 4-й степени («за храбрость») и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, единственный из членов императорской фамилии участник Гражданской войны (в Вооружённых силах Юга России) и белого движения⁶³.

С его кончиной, последовавшей в Риме 7 января 1974 года, угасла княжеская ветвь. Ныне, после недавней смерти в Монтерее, США, герцога Сергея Сергеевича Лейхтенбергского (1955-2000), внука Николая Николаевича, в прямом мужском колене фамилию Лейхтенбергских продолжают лишь католики: проживающий в Швейцарии герцог Николаус-Александр-Фриц (род. 1933) и его двое сыновей⁶⁴.

* * *

Здесь хотелось бы сказать пару слов о недвижимости этой семьи в России. Как известно, после бракосочетания Марии Николаевны и Максимилиана Лейхтенбергского Николай I распорядился начать постройку отдельного дворца для них. К 1844 году сооружение (по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера) было завершено, и новый дворец получил название Мариинского⁶⁵. Впоследствии, после смерти великой княгини и её второго мужа Г.А. Строганова здание вернулось в казну и затем его предназначили для работы Государственного совета. Сейчас там заседает Законодательное собрание Санкт-Петербурга.

Помимо дворца Лейхтенбергские владели крупным имением в Санкт-Петербургской губернии (Петергофского уезда) – Сергиевка (Сергиевская дача). В находящейся поблизости (Троице-) Сергиевой пустыни были погребены некоторые из членов этого семейства.

После отселения из Мариинского дворца они занимали дом на Английском проспекте, 18. Герцогу Николаю Николаевичу принадлежал крупный земельный участок по Каменноостровскому проспекту, 64; а также имение Горы в Валдайском уезде Новгородской губернии. Его брат Георгий проживал по адресу: Английская набережная, 22⁶⁶.

* * *

Остановимся чуть подробнее на длинной, полной перипетий истории фамильного майората герцогов Лейхтенбергских. Родоначальник этого

дома – принц Евгений Богарне, – сознавая, что с точки зрения принципов легитимизма (а на дворе были 20-е годы XIX века) его происхождение самое сомнительное, предпринял ряд шагов, чтобы устранить шаткость подобного положения. Во-первых, Е. Богарне очень удачно распорядился полученным от Венского конгресса при содействии российского императора пятимиллионным отступным; во-вторых, он выторговал у баварских королей огромные привилегии себе и своим наследникам, в частности, довольно широкую автономию для княжества Эйхштедт, даже большую, чем та, которой пользовались медиатизированные дома Германии, составлявшие 2-ю часть «Готского альманаха». Все эти достижения были зафиксированы в духовном завещании принца Евгения, датированном 18 февраля 1824 года⁶⁷.

Его дети успешно продолжили дело, начатое отцом. Герцог Карл-Август Лейхтенбергский вернул, согласно конвенции от 17 ноября 1834 года, баварской короне часть прав самоуправления, судебных и полицейских функций в Эйхштедте за сумму в 1,4 миллиона флоринов. При этом подтверждалось положение Лейхтенбергских как первого среди княжеских родов королевства, следующего по старшинству непосредственно за Виттельсбахами⁶⁸. Чуть позже, декларацией от 31 декабря того же года герцог обратил княжество Эйхштедтское в майоратный фидеикомисс, т.е. земельную собственность, отчуждавшуюся и передававшуюся по наследству в особом порядке, в первую очередь, при условии соблюдения примогенитуры (старшинства в роде)⁶⁹. Этот акт был ратифицирован королевским декретом 28 марта 1838 года⁷⁰.

В этот период следующий герцог Максимилиан переехал на постоянное жительство в Россию в качестве мужа старшей дочери Николая I. Всемогущий император осыпал зятя, как из рога изобилия, всяческими милостями, но поставил вопрос об отказе от «баварского наследства». В то же время Максимилиан, как мог, исподволь, незаметно, оберегал от властного, не терпящего прекословий царя свои западноевропейские владения. Герцог пошёл навстречу тестю лишь во второстепенном (см. выше). В своей последней воле М. Лейхтенбергский настаивал на безусловном сохранении существовавшего положения. Всё это было проигнорировано Николаем I после кончины герцога.

Вследствие малолетства новоиспечённых членов императорской фамилии – князей Романовских, герцогов Лейхтенбергских – были назначены опекуны: их мать, великая княгиня Мария Николаевна, и наследник цесаревич, будущий император Александр II. Для управления делами опеки учредили особую комиссию под председательством министра императорского двора генерал-адъютанта графа В.Ф. Адлерберга (1791-1884) и в составе шталмейстера и управляющего двором великой княгини (позднее обер-гофмейстера), известного музыканта графа Мат.Ю. Виельгорского (1794-1866) и действительного статского советника и камергера (впоследствии обер-шенка) А.В. Веневитинова (1806-72), брата знаменитого поэта⁷¹.

Князь Николай Максимилианович вспоминал: «В 1852-м году скончался мой отец, Николай Павлович, желая порвать всякие связи нашей семьи с Германией, приказал, с разрешения короля баварского, приступить к продаже княжества Эйхштет и остального имущества в Баварии...»⁷². Именно это и стало первоочередной задачей вышеозначенной комиссии.

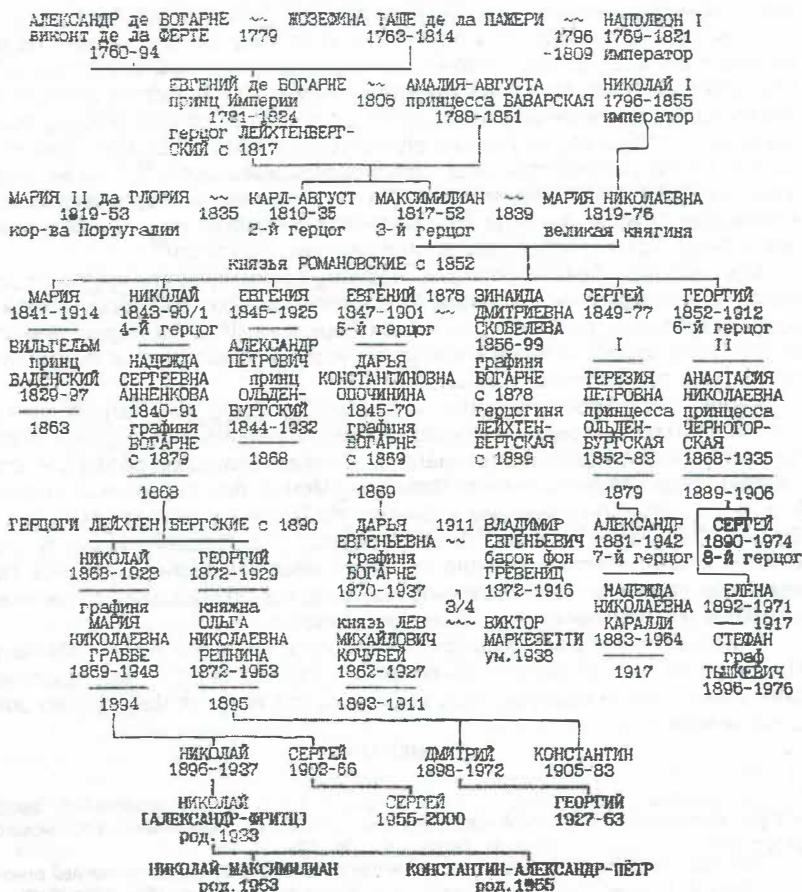
Для исследования состояния зарубежных владений и капиталов, оставшихся после Максимилиана, ему был направлен действительный статский советник Ру де Дамиани, который установил, что недвижимость оценивается в сумму 2985 тыс. рублей, а различные формы помещённых капиталов составляют в целом 1914 тыс. рублей⁷³.

После этого, декларацией 10/22 сентября 1853 года, данной от имени Марии Николаевны, было объявлено о намерении уничтожить майоратный фидеикомисс⁷⁴. Декретом от 25 февраля 1854 года король Баварии Максимилиан II упразднил фидеикомисс и перевёл имущество, его составлявшее, в форму аллодиальной собственности, которая в том же году была выкуплена баварским правительством. Одновременно теряли силу все права и привилегии, ранее пожалованные короной Евгению Богарне и его сыновьям⁷⁵. Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский уже в начале XX века как-то чересчур восторженно отметил в своей брошюре «Семейное предание»: «...княжество Эйхштедское, по желанию Николая Павловича, было продано баварскому правительству и внуки принца Евгения стали чисто русскими, будучи все уже православными»⁷⁶.

Следующий этап в развитии этой истории относится уже к концу XIX века. В декабре 1890 года в Париже после кратковременной тяжелой болезни скончался старший в роду – Николай Максимилианович. Из-за мorganатического брака он не мог завещать по своему усмотрению главенство в фамилии и сопряжённые с ним prerogативы - все это перешло к Евгению Максимилиановичу. Но супруга последнего, герцогиня Зинаида, жаждала большего: её заветной мечтой было обладать бриллиантами императрицы Жозефины (Богарне), которые вместе с другим личным имуществом покойного достались его сыновьям⁷⁷. Подстрекаемый женой, герцог Евгений опротестовал завещание старшего брата, ссылаясь на существование так называемого «майората драгоценных камней»⁷⁸. Его особенно рьяно поддержал великий князь Алексей Александрович, с которым при живом муже фактически сожительствовала Зинаида.

Однако созданная для рассмотрения данного вопроса комиссия из высших сановников и юристов (министры: двора и уделов – граф И.И. Воронцов-Дашков, финансов – С.Ю. Витте, юстиции – Н.А. Манасеин и обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев) установила, что даже если бы подобный «майорат» и существовал (в чём многие открыто выражали сомнение), то он не имел бы силы на территории Российской империи⁷⁹. Это решение с радостью утвердил Александр III, не питавший особых симпатий к Евгению и Зинаиде. Одновременно он пожаловал сыновьям покойного Николая Максимилиановича титул герцогов Лейхтенбергских⁸⁰ и приказал зачислить их на действительную службу в старшие полки гвардии⁸¹.

ГЕРЦОГИ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЕ

* * *

Как уже говорилось выше, Евгений Богарне получил от баварских королей ранг королевского высочества, который затем должен был передаваться старшему в роду среди его потомков; остальные же довольствовались титулом светлости⁸². Сын принца Евгения Максимилиан Лейхтенбергский был возведён своим тестем Николаем I в достоинство императорского высочества лично⁸³. В дальнейшем каждый из детей Марии Ни-

колаевны и герцога наделялся при рождении тем же титулованием, именуясь «Императорского дома Приращением»⁸⁴. Император Александр III законом от 2 июля 1886 года ограничил число лиц, имевших право на титулатуру императорского высочества и связанные с ним привилегии⁸⁵. Под действие этого акта попали и князья Романовские. Если в отношении Александра Георгиевича, родившегося до принятия данной нормы, было сделано исключение, то уже его единокровные брат с сестрой, Сергей и Елена, могли употреблять лишь титул просто высочества⁸⁶. Что же касается тех Лейхтенбергских, кто получил эту фамилию в результате мorganатических браков (Зинаида Дмитриевна и потомство Николая Максимилиановича), то они пользовались титулованием светлости⁸⁷.

Максимилиан Лейхтенбергский, подобно своим предкам как по отцовской, так и по материнской линии, был католиком и состоял попечителем и администратором римско-католической церкви св. Иоанна Иерусалимского в С-Петербурге⁸⁸. А вот его потомки – члены императорской фамилии – могли быть только православными⁸⁹.

Можно также добавить, что положение, которое занимали в нашей стране Лейхтенбергские, не являлось чем-то уникальным в своём роде: были и западноевропейские аналоги. Схожим статусом обладали дом Баттенбергов / Маунтбэттенов (Battenberg/Mountbatten) в Великобритании и ветви de Borbon-Dos-Sicilias у Borbon, de Baviera у Borbon, d'Orleans у Borbon (Galliera) в Испании. Две последние к настоящему моменту уже угасли, а Маунтбэттены и одна из линий неаполитанских Бурбонов по-прежнему сохраняют определённое значение как ближайшие родственники британской и испанской королевских династий.

Основная линия рассматриваемой фамилии прекратилась в 1974 году. Но и в наши дни существуют их потомки, произошедшие от мorganатических браков, таким образом, нельзя сказать, что история Лейхтенбергских закончилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Виноградов А.В.* Род Богарне // *Родина*. 1992. № 6-7. С. 42-43; *Красюков Р.Г.* Герцоги Лейхтенбергские // *Дворянский календарь: справочная родословная книга российского дворянства* / Отв. ред. А.А. Шумков. Тетрадь 5. СПб., 1998. С. 76.

² На этом пункте особенно настаивал Александр I, с очень большой симпатией относившийся к Е. Богарне. [Лейхтенбергский Г., гц.] Семейное предание. СПб., 1914. С. 8.

³ Энциклопедический словарь. Издание АО «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». Т. 34. С. 506.

⁴ Официальные записки по разным предметам. Б.м., б.г. С. 4.

⁵ Энциклопедический словарь. Издание АО «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». Т. 34. С. 506. [Лейхтенбергский Г., гц.] Указ. соч. С. 9.

⁶ *Корф М.А., гр.* Записки. М., 2003. С. 71.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 2268. Лл. 34-35. Адрес-календарь Российской империи на 1852 г. СПб., 1852. Ч. 1. С. 43.

⁸ *Красюков Р.Г.* Указ. соч. С. 73.

⁹ *Долгоруков П.В., кн.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860-1867. М., 1992. С. 137.

¹⁰ Энциклопедический словарь. Издание АО «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». Т. 34. С. 506-507; *Русский биографический словарь*. Т. 10. С. 176-178.

- ¹¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. М., 2002. С. 31.
- ¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 27. С. 753. Е.И.В. Князь Николай Максимилианович. Очерк моего детства и юношества. Диктовано моему сыну // Русская старина. 1890. № 5. С. 478.
- ¹³ Свод законов Российской империи. Т. 1. Ст. 146.
- ¹⁴ Тютчева А. Ф. Указ. соч. С. 156.
- ¹⁵ Долгоруков П. В., кн. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁶ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. С. 87.
- ¹⁷ Тютчева А. Ф. Указ. соч. С. 324-325.
- ¹⁸ Витте С. Ю., гр. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 321.
- ¹⁹ Ferrand J. Il est toujours des Romanov. Les Romanoff in 1995. Paris, 1995. P. 42.
- ²⁰ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. С. 175.
- ²¹ Almanach de St.Petersbourg. Cour, monde & ville. M.O. Wolf, 1913-14. P. 10.
- ²² Энциклопедический словарь. Издание АО «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». Т. 42. С. 916.
- ²³ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. С. 175.
- ²⁴ Милютин Д. А., гр. Дневник. М., 1947-50. Т. 3. С. 185.
- ²⁵ Долгоруков П. В., кн. Указ. соч. С. 137.
- ²⁶ РГВИА. ф. 409. Оп. 1. Д. 133310. Лл. 15-32; Энциклопедический словарь. Издание АО «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». Т. 34. С. 507.
- ²⁷ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. С. 172-173.
- ²⁸ Русский биографический словарь. Т. 10. С. 178-179.
- ²⁹ Монархи Европы: судьбы династий / Ред.-сост. Н. В. Попов. М., 1996. С. 345.
- ³⁰ Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. М., 1991. С. 239.
- ³¹ Точная дата свадьбы не известна; есть сведения, что формальное бракосочетание так и не имело место.
- ³² Подробнее см.: Экимут С. А. Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. М., 2001.
- ³³ Витте С. Ю., гр. Указ. соч. Т. 1. С. 429.
- ³⁴ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 54. С. 43. Списки титулованным родам и лицам Российской Империи. Издание Департамента Герольдии Правительствующего Сената [под руководством герольдмейстера Н. И. Непорожнева]. СПб., 1892. С. 119.
- ³⁵ Официальные записки по разным предметам. С. 43-47, 58-61.
- ³⁶ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. С. 173.
- ³⁷ Отметок об этом в его послужном списке нет. РГВИА. ф. 409. Оп. 1. Д. 133310. Лл. 15-32.
- ³⁸ Епанчин Н. А. На службе трёх императоров. Воспоминания генерала от инфантерии. М., 1996. С. 98.
- ³⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. С. 64. Списки титулованным родам и лицам Российской Империи. С. 119.
- ⁴⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 53. Ч. 2. С. 6. Списки титулованным родам и лицам Российской Империи. С. 49, 119.
- ⁴¹ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства Императорского двора. М., 1993. С. 74.
- ⁴² Витте С. Ю., гр. Указ. соч. Т. 1. С. 428.
- ⁴³ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 74.
- ⁴⁴ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. С. 103.
- ⁴⁵ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 112.
- ⁴⁶ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. С. 173.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 174.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Витте С. Ю., гр. Указ. соч. Т. 2. С. 264.
- ⁵² Там же. С. 263.

- ⁵³ Там же. С. 264.
- ⁵⁴ Свод законов. Т. 1. Ст. 147.
- ⁵⁵ *Воейков В.Н.* С царём и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 230; *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 112.
- ⁵⁶ *Епанчин Н.А.* Указ. соч. С. 325.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2268. Лл. 36-47об.
- ⁵⁸ *Епанчин Н.А.* Указ. соч. С. 501; *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 183.
- ⁵⁹ Там же. С. 74-75.
- ⁶⁰ Весь Ленинград на 1924 г. Л., 1924. С. 87; То же на 1935 г. Л., 1935. С. 235, 257.
- ⁶¹ *Красюков Р.Г.* Указ. соч. С. 87-88; *Дворянские роды Российской империи / Под ред. С.В. Думина.* Т. 2. СПб., 1995. С. 163-164.
- ⁶² Гавриил Константинович, в.кн. «В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи». СПб., Дюссельдорф, 1993. С. 220-221.
- ⁶³ *Красюков Р.Г.* Указ. соч. С. 90.
- ⁶⁴ *Genealogisches Handbuch des Adels.* Band 85. Glucksburg, 1984. S. 458-466, 488-489.
- ⁶⁵ *Корф М.А., гр.* Указ. соч. С. 288.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2268. Л. 47.
- ⁶⁷ Официальные записки по разным предметам. С. 6-8.
- ⁶⁸ *Красюков Р.Г.* Указ. соч. С. 72-73.
- ⁶⁹ Официальные записки по разным предметам. С. 10-11.
- ⁷⁰ Там же. С. 12.
- ⁷¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 542. Оп. 1. Д. 18. Лл. 2-2об.
- ⁷² Е.И.В. Князь Николай Максимилианович. Указ. соч. С. 478.
- ⁷³ РГИА. Ф. 542. Оп. 1. Д. 21. Лл. 26-32.
- ⁷⁴ Официальные записки по разным предметам. С. 17.
- ⁷⁵ Там же. С. 18.
- ⁷⁶ [Лейхтенбергский Г., гц.] Указ. соч. С. 9.
- ⁷⁷ Официальные записки по разным предметам. С. 44-47.
- ⁷⁸ Там же. С. 58-61.
- ⁷⁹ *Витте С.Ю., гр.* Указ. соч. Т. 1. С. 426-428.
- ⁸⁰ Официальные записки по разным предметам. С. 43.
- ⁸¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 14. Д. 16330. Лл. 16-19.
- ⁸² Официальные записки по разным предметам. С. 3-4.
- ⁸³ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 14. С. 604, 681.
- ⁸⁴ Там же, Т. 15. С. 195, Т. 16. С. 837, Т. 18. С. 478, Т. 20. С. 286, Т. 22. С. 93, Т. 24. Ч. 2. С. 135, Т. 27. С. 112.
- ⁸⁵ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 6. С. 381-391.
- ⁸⁶ Свод законов. Т. 1. Ст. 146-147.
- ⁸⁷ Официальные записки по разным предметам. С. 43.
- ⁸⁸ Адрес-календарь Российской империи на 1852 г. Ч. 1. С. 43.
- ⁸⁹ Свод законов. Т. 1. Ст. 186.

Статья написана по материалам доклада, представленного на X Международную генеалого-геральдическую конференцию, которая состоялась 21 ноября 1998 года в Московском городском дворце творчества детей и юношества.